

Maciej Pieczyński

(Uniwersytet Szczeciński, Szczecin – Polska)

**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БОГА И ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ.
ТАНЕЦ ЗАРАТУСТРЫ В *КИСЛОРОДЕ*
ИВАНА ВЫРЫПАЕВА**

„Бог исчез”¹ – констатировал в одном из интервью Иван Вырыпаев, драматург, которого почти все творчество сосредоточено на теме духовности. Данное утверждение неслучайно звучит как известная фраза Фридриха Ницше – „Бог умер”. Драма *Кислород* Вырыпаева кажется нам наглядным примером влияния ницшеанской философии на творчество этого современного русского драматурга.

Смерть Бога, провозглашенная Ницше, означает именно распад миров идей. Этот культурный диагноз повторил Мартин Хайдеггер, говоря о „преодолении метафизики”, а также Жак Деррида, основатель философии деконструкции, предлагающей победить Логос. Так что слово „бог” здесь означает, по мнению Хайдеггера, „наименование сферы идей, идеалов” и „сверхчувственного мира вообще”².

Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет – подлежит суду? А я знал одного человека, у которого был очень плохой слух. Он не слышал, когда говорили, не убей, быть может, потому, что он был в плеере. Он не слышал, не убей, он взял лопату, пошел в огород и убил³.

Так начинается *Кислород*. Двое главных героев – „Он” и „Она” – рассказывают историю Саньки убившего свою жену. Уже с первых слов пьесы видна духовная ситуация, в которой оказался этот современный, молодой русский человек. Санек проходит мимо правил Декалога. Нарушает божий закон из-за по крайней мере двух причин. Во-первых, потому что он просто не способен воспринимать какие-либо правила, а уж тем более их соблюдать, так как у него „очень плохой слух”. Во-вторых, „он был в плеере”, так что современная массовая культура в виде аудиотехники мешает ему услышать и тем более задуматься над Декалогом. Санек в данный мо-

¹ Из интервью взятого мною у Ивана Вырыпаева в Познанском университете 2. марта 2011 года.

² М. Хайдеггер, *Слова Ницше „Бог умер”*, <http://ec-dejavu.ru/g/God.html> (10.11.2011).

³ И. Вырыпаев, *Кислород*, <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html> (10.05.2011).

мент оказался в пространстве, лишенном моральности, в мире без Бога, который для него „умер“ или исчез“. Этим пространством является русская провинция в период после распада СССР. Место смерти двух богов – христианства, уничтоженного коммунистами, и коммунизма, распавшегося вместе с Советским Союзом. Сакральность, телеологичность, логоцентризм, тотальность – все эти черты в какой-то степени свойственны как церкви, так и советской системе. Санек, как ребенок, осирочен этими двумя богами, надевает плеер и начинает функционировать вне нравственных ориентиров, точек морального отсчета. В его мире не осталось никакой метафизики, никакая высшая цель уже им не управляет. Санек оказался в пространстве „вне добра и зла“, за пределами бинарного восприятия действительности. Но Санек убивает не для того, чтобы доказать свою независимость от любой нравственности, метафизики, идеи. Этот поступок имел свою цель. Санек убивает жену, потому что не доставляла ему духовного Кислорода, который, в свою очередь, он нашел у другой женщины.

И если человечеству сказали не убей, а кислорода вдоволь не предоставили, то всегда найдется Санек из маленького провинциального городка, который, для того, чтобы дышать, для того чтобы легкие танцевали в груди, возьмет кислородную лопату, и убьет не кислородную жену⁴.

Таким образом, в убийстве обвинена здесь христианская идеология, так как не сумела она предоставить человечеству такого вида духовного удовлетворения, чтобы люди безошибочно, вне сомнений соблюдали Декалог. Именно поэтому люди убили Бога, „стерли губкой весь небосвод“, „отцепляя Землю от Солнца“⁵.

Однако Санек оказавшийся вне добра и зла, на самом деле сильно нуждается в новой точке морального отсчета. Место умерших богов занимает Кислород. Он является для Саньки новой, хотя до конца неопределенной, неосознанной метафизикой. Именно жажда Кислорода ведет Саньку к убийству. Убийству brutальному, совершенному при помощи лопаты. Таким образом, метафизика, уничтоженная в Саньке советской и постсоветской культурой, возрождается интуитивно, подсознательно. Проявляется она в как бы первобытной потребности. Итак, Санек, нарушая божий закон, парадоксально оказывается носителем божественной энергии. Ницше в своей *Воли к власти* определил возникновение религии как процесс разбития единства личности. Человек, по его мнению, не отважился приписать себе силы, могущества, воли становления, и поэ-

⁴ Там же.

⁵ М. Хайдеггер, *Слова Ницше...*, ук. соч.

тому все **высокое, благородное, жизнеутверждающее** приписал придуманному собою Богу. Ницше притом делает акцент на значимость поступка как такового. Тех, кто жалеет своего поступка, даже преступления, кто в итоге угрызений совести отказывается от уже совершенного действия, не считает достойными уважения. Зато преступников, до конца последовательных в своем поведении, называет **душевно здоровыми**⁶. Так что Санек, решая о смерти своей жены, в каком-то смысле возвращается в божественное состояние, становится похожим на строгого, жестокого, кровавого и капризного Бога из Ветхого завета, который управляет, созидает, активно формирует действительность. Стал тем, кто сохранил божественное, ветхозаветное могущество, отнятое когда-то человечеству, и кто одновременно побеждает христианскую, душевную болезнь – „совесть”. Причем никакие симптомы этой болезни не появляются в поведении Саньки. В *Кислороде*, что довольно редко случается в литературе, преступление не сопровождается наказанием.

Влияние Ницше видно также в дискуссии главных героев пьесы о том, можно ли убивать из-за любви или нет. Персонаж „Он” утверждает, что если о простой любви идет речь, то действительно, рассекающая глаза лопата не является самым подходящим оружием, чтобы доказать это чувство:

если о безумной, то не только лопату, но и бензопилу пускают в ход, для того чтобы доказать, какое сильное чувство испытывает безумно влюбленный человек к предмету своей безумной любви⁷.

Интересно это высказывание сопоставить с Посланием апостола Павла к Коринфянам, текстом, который наиболее тщательно отражает христианское понимание чувства любви:

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1Кор 13: 4–7).

Павлова любовь неразделима с разумом, с идеологией, с истиной, верой, надеждой, милосердием. В тексте Вырыпаева это выглядит наоборот. Любовь у него это безумие, лишённое Аполлонского ПОНИМАНИЯ, переполненное Дионисийским ЧУВСТВОВАНИЕМ мира. Представленная в *Кислороде* характеристика любви напоминает рефлексии Ницше об этом чувстве. В *Веселой науке* философ половую любовь определил как обычную, эгоистическую, необузданную

⁶ См.: F. Nietzsche, *Wola mocy*, tłum. S. Frycz, K. Drzewiecki, Warszawa 1911, s. 104.

⁷ И. Вырыпаев, *Кислород*, <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html> (10.05.2011).

жадность, стремление к владению объектом этого чувства. Ницше удивляется, что такую любовь обычно определяется как противоположность эгоизма в то время, как она является, возможно, наиболее стихийным проявлением эгоизма⁸. Так что у Ницше, как и в *Кислороде*, любить значит алкать. В том смысле заглавный Кислород является ипостасей любви как таковой:

если ты плотно подсядешь на кислород, то ни деньги, ни медицинские препараты, ни даже смерть, не смогут, ограничить ту жажду красоты и свободы, которую ты приобретешь⁹.

Таким образом, любовь совместима не с моралью, но с жаждой, как у Ницше. Любить в *Кислороде* значит тоже „танцевать“. Именно „танцы“ являются тем, что наиболее привлекло внимание Саньки после убийства. Это следующее доказательство тому, что Вырыпаев находит инспирации в философии Ницше, который, между прочим, в танце усматривал энергию жизни. Это наглядно показано в *Так сказал Заратустра*. Заглавный пророк, гласивший смерть Бога и стремление к Сверхчеловеку, символически танцевал с Жизнью, в виде, что интересно, женщины. Пророк ницшеанизма и Жизнь в своем жизнеутверждающем танце нашли свою обетованную землю. Так и Санек, после того, как убил жену из-за любви к другой женщине, женщине, что „самая была сплошной кислород“,

[...] вернулся в дом, включил музыку погромче, и стал танцевать. А музыка была такая смешная, такая смешная, что и танцы его сделались смешными в такт музыки. И плечи его сделались смешными, и ноги, и волосы на голове, и глаза. Танцы стали увлекать его, увлекать, и увлекли в какую-то новую страну. В этой стране, было только движение, только танцы и танцы. И танцы увлекали его, увлекали, и уже так сильно увлекли, что он решил навсегда остаться в этой стране, и он решил, что больше не одной минуты не будет жить не танцуя, а будет только танцевать и танцевать¹⁰.

Таким образом, танец в каком-то смысле оказался стихийным, спонтанным проявлением энергии, победившей бинарное столкновение добра и зла. Это еще более символически прозвучало, когда Санек и Саша-„сплошной кислород“ решили „танцевать в комнате, где танцевал, этот парень, после того, как лопатой изрубил свою жену в огороде“¹¹. Санек и Саша, как Заратустра и Жизнь, затанцевали в пространстве вне добра и зла, под жизнеутверждающую музыку.

⁸ См.: F. Nietzsche, *Radosna wiedza*, tłum. M. Łukasiewicz, Gdańsk 2008, s. 52.

⁹ Там же.

¹⁰ И. Вырыпаев, *Кислород*, <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html> (10.05.2011).

¹¹ Там же.

Любить значит, однако, прежде всего, „поглощать Кислород“. Но, насколько это поглощение несовместимо с моралью, показывается сравнение, которое сделал „Он“, рассказывая о том, как началась любовь между Санькой и Сашей. Итак, Санек, когда увидел Сашу, подумал, что у них одна цель:

как одна цель у летчика направляющего самолет в здание Торгового центра и у пожарного задыхающегося в дыму от гигантского взрыва. Потому что и тот, и другой, ищут своими легкими кислород, один чтобы не задохнуться от дыма, а другой, чтобы не задохнуться от несправедливости правящей миром¹².

Резюмируя, Любовь это Кислород, Кислород – это жажда, и здесь не нужны никакие другие, строгие, моральные дефиниции. Поэтому эта кислородная метафизика, напоминающая ницшеанское им-моральное жизнеутверждение, так и не порождает нового Декалога, новой системы нравственных принципов. Воля к власти, к силе, спонтанная потребность в жизни как таковой, это не Логос, но стихия, которую невозможно остановить. Это свойство Кислорода наглядно видно в композиции под заглавием *Для главного*. В ней герои пьесы – „Он“ и „Она“ – рассказывают о разных, часто амбивалентных с моральной точки зрения, поступках, которые люди совершают ради „главного“, то есть, чтобы дышать воздухом насыщенным Кислородом. Этой тирадой в сторону идеалов герои пьесы Образно доказывают вездесущий моральный релятивизм. Оказывается, что именно для главного, то есть ради идеалов,

[...] мужчины бросаются на ножи, и женщины истребляют в своих животах, не родившихся сыновей [...]. Из-за главного, священники становятся гомосексуалистами, а я из-за главного, дважды переспал с родной сестрой¹³.

Наиболее лаконично да многозначительно ницшеанское влияние в *Кислороде* отражают последние фразы пьесы. „По плодам познавайте дерево“ – звучит одна из библейских заповедей. Но герои *Кислорода* деконструируют это правило, констатируя, что в конце оно четко означает, по крайней мере, несовершенство всезнающего и всемогущего Бога, в действительности показывая, что тот Бог столь же плохой, что и люди, созданные ведь на подобие ему. Зато самая последняя фраза пьесы совмещает в себе весь позитивный смысл Кислорода. „По дереву судите о плодах его. Аминь“¹⁴. Вот смещение полюсов, замена высокого низким, причин последствиями, божьего человеческим. В этой фразе прозвучало ницшеанское

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

жизнеутверждение, громкое ТАК сказанное человечеству. „Бог – он внутри тебя!”¹⁵ – такими же словами Иван Вырыпаев, как режиссер, мотивировал во время репетиций своих актеров. Эта имманентность, это соединение божьего и человеческого не являются случайными. В *Кислороде* раскрывается божественность в человеке. Благодаря этому человек оказывается за пределами трансцендентного понимания мира и иерархического типа связей Бог – человек. Каждый человек, прежде всего, является плодом божьего дерева. Итак, совмещает в себе ту божью энергию, ницшеанскую волю к власти, силе. Философ задумывался над тем, что осталось бы создавать, если бы существовали боги¹⁶. Так что исчез Бог как Логос, трансцендентный, неуловимый, таинственный Создатель, Дерево платонизма, христианства и коммунизма, порождающее плоды человечества. Остается, зато, человек – Плод и Дерево в одном, вне Логоса, начала и конца, так как понимается он по категориям Дерева – Бога. Ведь поглощает он Кислород – ту современную амброзию, божественное вещество, позволяющее оказаться на Олимпе, вне добра и зла, „неприличных” угрызений совести, „в стране, где только движение, только танцы и танцы”¹⁷.

Однако, всю эту историю Саньки, как человека оказавшегося вне добра и зла, рассказывают нам в пьесе герои – „Он” и „Она”. Можно поставить вопрос – как они относятся к поведению героя своего рассказа? Ответ найдем в композиции *Для главного*. Он и Она в ее конце признаются в том, что для них самой главной ценностью является совесть.

¹⁵ Wywiad przeprowadzony z Iwanem Wyrypajewem w programie „Rozmowy istotne”, [w:] TVP Kultura, 22.06.2011, <http://www.nina.gov.pl/iwanwyrypajew-rozmowy-istotne> (12.12.2010).

¹⁶ См.: F. Nietzsche, *Tako rzecze Zaratustra*, tłum. W. Berent, Poznań 2000, s. 77.

¹⁷ И. Вырыпаев, *Кислород*, <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html> (10.05.2011).